

1

Голубая

Их звали Этут и Сов. В этом он был уверен.

На этот раз они не прятались ни за шкафом, ни за тюлем, а сидели на корточках под письменным столом. Когда он шевельнул ногой под одеялом, они подпрыгнули и ударились головами о столешницу. Не очень сильно. Даже не пискнули. Как всегда, они сидели тихонько. Притаившись. Бесшумно. Он точно знал только одно: когда ночью он просыпался, они уже ждали. Хотя не всегда. Чаще всего — когда на следующий день была очень важная контрольная. Или когда вечером родители разговаривали друг с другом на повышенных тонах или, наоборот, молчали, потому что были друг на друга обижены. Например, как вчера.

Этут и Сов тоже молчали. Но Филипп знал, что они умеют говорить — и когда-нибудь все-таки с ним заговорят. Наверняка. Когда придет время.

Он любил этих существ и всегда немножко ждал.

В полумраке он видел их не очень отчетливо, поэтому пробовал вообразить, как они выглядят. Они напоминали обезьянок. И сурикатов. И гномов.

Они приходили ночью, а теперь был день. Филипп сидел на кровати и листал комикс о приключениях шимпанзе Титуса.

— Поедешь к тете Агнешке, — услышал он мамин голос. — Отвезешь ей кое-какую одежду. Я ее уже не ношу, а тетя просила что-нибудь для работы в саду. Филипп! Сынок! Ты меня слышишь?

Мама звала с кухни, но ему казалось, что он на необитаемом острове, а мама дрейфует далеко, очень далеко — на плоту. А поскольку их разделяли сотни волн, однообразный шум моря и порывы сильного ветра, он не понимал ни слова.

Мама и плот становились все меньше, и меньше, и меньше...

Такое уже бывало. Много раз. Посреди ночи он открывал глаза и сразу понимал, что он на необитаемом острове. А вокруг — вместо пола и мебели — только вода. Огромная, черная и глубокая. Просто океан.

— Филипп! Собирайся.

Краем глаза он заметил в полушаге от своей кровати какую-то фигуру. Мама? На его необитаемом острове? Как это?

— А куда мне надо идти? — спросил он, подняв голову от комикса.

— Ты не слышал, да?

— Да. Нет.

— К тете Агнешке. Отвезешь ей эти вещи. — Мама бросила на кровать туго набитый пакет. — Только возвращайся к ужину. То есть не позднее восьми. Не позд-не-е. Слышишь?

— Слышу.

— Точно слышишь?

— Точно. В восемь.

— Ох, Филиппка, Филиппка... — Мама покачала головой.

Филипп вздохнул. Он не любил этой уменьшительной формы своего имени. А кроме того, ему не хотелось на два часа расставаться с Титусом и мягкой кроватью.

— А папа не может отвезти это на машине? — рискнул спросить он, хотя заранее знал ответ.

Мама быстро отвернулась и направилась к двери, бросив вполголоса, будто бы самой себе:

— Папа не может.

Ну да. Ведь папа вечно, просто вечно был на работе.

Филиппа, однако, каждый раз это удивляло, поэтому он всегда говорил:

— Но ведь уже шесть.

(Или семь, восемь, девять или десять, в зависимости от того, в котором часу папа был еще на работе.)

А мама никогда ни слова не отвечала на его удивление.

Филипп запрыгнул в «аидасы» (не фирменные, обычная подделка) и вывел из комнаты велосипед (ну та-а-ак себе, ничего особенного, горный, но без наворотов, впрочем четырехлетний и из гипермаркета). Повесил пакет на руль, крикнул: «Пока!» — и выскочил за дверь.

За дверь квартиры на одиннадцатом этаже одиннадцатипятиэтажного дома.

Дома, который находился в лишенном деревьев и лавочек микрорайоне Четыре Ветра.

В микрорайоне, откуда до центра надо было ехать сорок минут на автобусе (в часы пик), а до тети Агнешки — только двадцать минут на велосипеде (в любое время).

Он любил свою тетю. Она не ворчала, что он не надел шарф или шапку, что не убрал свою комнату, что слишком поздно вернулся с прогулки или не съел в школе бутерброды. Потому что она была не его мамой, а старшей сестрой его мамы. Она не имела понятия, когда он возвращался с прогулки. Брал ли в школу бутерброды. И редко видела его комнату — родители, собственно говоря, ее и не приглашали. Сами они тоже почти не бывали у нее. Он не знал почему. Не задумывался об этом. Так было, и все. Зато он навещал ее

очень часто. Например, по такому поводу, как сегодня. И еще потому, что она ему нравилась.

Тетя угощала его пирогом, который пекла раз в неделю: творожником или шарлоткой. И соком, который выжимала из фруктов, растущих в ее саду. Он любил ее и за то, что она не спрашивала: «Как там в школе?» — и не восклицала, увидев его: «Как ты вырос!», а еще она часто улыбалась.

Ну и вдобавок у нее был очень, очень классный и умный пес, Бодек, почти что золотистый ретривер, мягкий как овечка. Он обожал детей и безумно радовался гостям. А особенно — Филиппу. В эти моменты он был похож на комок счастья.

Бодек умел все, что должны уметь собаки, и даже немного больше. Он знал названия восьми своих игрушек, ходил «рядом», правильно выполнял команды «Апорт!», «Место!», «Сидеть!», «Лежать!», «Ждать!» и множество других. Хотя в доме тети Агнешки от него никто этого не требовал.

— Мне достаточно того, что он все понимает, — говорила тетя, таинственно улыбаясь. — Кроме того, я знаю, что, если позову, он всегда ко мне прибежит, хоть с Аляски. Чего еще можно желать?

Филипп не имел понятия, откуда тетя знает, что Бодек прибежал бы из такой дали. Некоторые вещи, наверное, просто знаешь. Например, то, что Этута и Сова зовут Этут и Сов.

И это вовсе не потому, что, увидев их впервые, Филипп громко и четко сказал, чтобы успокоить самого себя:

— Э-э-э, тут никого нет. Совсем никого.

Три четверти года Бодек нежился на террасе или на травке в саду. А оставшуюся четверть проводил на лежанке в теплом углу гостиной, у камина. Он был очень счастливым псом. Это читалось на его морде, и это же он показывал каждым взмахом лохматого хвоста.

Август только начался. Приятно было ехать в безоблачный день на велосипеде по практически безлюдному микрорайону, потом на его окраину и дальше. Дальше — то есть налево, на Марципановую улицу. И сразу оказаться в совершенно другой сказке. А может, даже на другой планете, которая не называется «микрорайон Четыре Ветра». Здесь редко можно было встретить прохожего или проезжающую машину. И ни одного одиннадцатизэтажного дома. Вместо этого было множество красивых, разноцветных, совершенно новых домов с садиками, большими балконами и огромными окнами. Не выше четырех этажей.

Филипп подумал, что эта планета могла бы называться Дальше-и-Дальше. Потому что как же классно оказаться не там, где ты был минуту назад, и все ехать вперед, дальше и дальше.

Он повернул на следующую тихую улицу и промчался вдоль зеленой ограды, за которой возвышалось

огромное здание с покато́й крыше́й. Старое и окруженное высокими деревьями. Его школа.

Но на каникулах Филипп не думал о таких вещах, как школа. Ни капельки. Ни секундочки. Даже если смотрел на нее, то не видел. Тем более что он был уже в другом месте — въехал в парк. А вернее, на гигантский ковер из травы и миллиона разноцветных точек, на котором люди протоптали тропинки во все стороны. Здесь росли очень старые деревья с ветвями такими изогнутыми, как будто ветер хотел завязать их в узлы и петли.

Филипп ускорился. По парку гуляло всего несколько человек, и то в отдалении, поэтому ему никто не помешал.

Он пронесся так, как любил. Будто бы наперегонки с самим собой. Потому что с кем бы еще он мог носиться наперегонки? Все разъехались на каникулы. Не считая Павла. Но Павел сейчас предпочитал дружить с Адрианом, то есть можно сказать, что Павел тоже уехал.

«Чем Адриан лучше меня?» — Филипп задал себе этот вопрос, наверное, в сто тридцать седьмой раз за это лето.

И ответил абсолютно так же, как отвечал прежде:

«Он ничем не лучше.

Он всем лучше.

Неправда, ничем.

Ну да, всем...»

И так по кругу. Он не мог определиться. Один раз думал так, а другой раз — иначе. Будто бы в один момент был собой, а в другой — кем-то совсем другим. Только кто — кто? Он — это тот, лучший? Или худший? и откуда тогда тот, второй?

«Адриану наверняка всегда хорошо, — подумал Филипп. — Когда столько людей тебя любят, это нормально, что ты чувствуешь себя отлично. Когда кто-то тебя любит, то ты тоже себя любишь. Хотя это немного странно, как будто бы другие могут тебе разрешить самого себя любить».

Разрешить себя любить. Разрешить себя любить.

«А когда тебя не любят или считают, что ты, например, глупый, или странный, или некласный, то ты сразу думаешь о себе так же. Ерунда какая-то. Ведь ты знаешь себя лучше, чем кто бы то ни было. А может, как раз другие правы? Потому что смотрят со стороны? с ума сойти можно!»

Разрешить себя любить. Разрешить себя любить.

Филипп повторял эти три слова, которые так хорошо звучали, но так мало значили. Пока наконец не пересек парк и не оказался в месте, которое называлось Волчий Поток.

Неизвестно, откуда взялось это название, ведь ни волков, ни потока здесь не было с незапамятных времен. Зато с давних пор, то есть еще с довоенного времени, в Волчьем Потоке стоят виллы. Большие

и маленькие, разрушенные и отремонтированные, красивые и уродливые. Все с садами — пустыми, похожими на обычные газоны, или пышными, похожими на картины, нарисованные красками всех мыслимых и немыслимых цветов.

Встречались сады, настолько густо заросшие и запутанные, что стоящих в их безднах домов не было видно с улицы уже много-много лет. Такие Филипп любил больше всего. Ведь кто знает, что может в них скрываться... Может, какие-нибудь доисторические животные? Или косматые оборотни, превращающиеся днем в спокойных милейших соседей? Или самые длинные на свете змеи, живущие внизу, на кухне, а ночью выползающие в сад на охоту? Или... или что-то другое, не менее страшное? Например, пернатые мыши-гиганты с ушами слона...

В любом случае волков здесь не было. И этот Волчий Поток — наверняка просто название. Присвоенное без причины. Взятое из воображения. Так считал Филипп. И придерживался этого мнения.

Когда-то. А потом уже не знал, что и думать.

Потому что некоторое время назад увидел их. Они крались в траве, за деревьями, перескочили живую изгородь у Папроцких, проникли на участок пани Стефы под номером сорок и серыми тенями проскользнули по тротуару и дальше, между домами. Волки.

Сегодня он окликнул их так же, как делал это уже не раз:

— Привет, волки!

Он их совсем не боялся. Потому что такими их придумал: не страшными, а мягкими, красивыми и приветливыми к людям.

И к собакам. Почти такими же, как Этут и Сов. Только более дикими. Как и следует волкам.

Филипп проехал еще несколько десятков метров под пристальным взглядом нескольких пар зорких волчьих глаз. И наконец остановился у цели. Перед домом тети Агнешки, улица Голубая, 7.

Это был двухэтажный дом, со стороны сада терраса, спереди балкон. Этот дом тоже был довоенный, то есть старый. Но в прошлом году его покрасили в кремовый цвет и положили новую, темно-зеленую, черепицу. Заменяли водосточные трубы, а от калитки до входа протянули дорожку из мелкой рыжей плитки. Еще тетя решила поменять старые двери на другие, очень красивые, темные и тяжелые, и вставить новые окна. «Пока есть на что», — пояснила она маме Филиппа. И действительно, было на что, потому что она как раз закончила сценарий целого — настоящего! — телевизионного сериала. Пятнадцать серий. Не какой-нибудь «Санта-Барбары», такой бесконечной мыльной оперы, а «настоящего сериала в лучших традициях жанра» — так она говорила.

Филипп тетей очень гордился, хотя не видел еще ни одной серии. Сериал должен был выйти в эфир только после каникул.

— А о чем он будет? — спросил как-то Филипп.

Тетя задумалась и ответила:

— О людях, которые ничего друг о друге не знают. Не имеют представления о существовании друг друга. Но в итоге их дороги пересекутся, и это кардинально изменит жизнь каждого из них. Это в самых общих чертах.

Филипп предпочел бы сериал о поисках затонувших кораблей, которые перевозили такие сокровища, что даже представить трудно. Или о пришельцах, атакующих Землю. Эти пришельцы выглядели бы то как большое синее желе, то как обычные люди. И опознать их можно было бы только по желейным конфеткам, которые пришельцам нужно съесть по несколько штук в день. Из-за этого происходило бы множество страшных событий, ведь желейные конфеты растут не на каждом дереве. И даже, кажется, вообще ни на каком.

В конце концов, тетя могла бы написать о замке с привидениями, в котором сеял ужас человек без головы и с большим ножом в спине.

Филипп нажал звонок на заборном столбе и, услышав сигнал, толкнул калитку. В ту же секунду дверь дома распахнулась, и в проеме появилась улыбающаяся тетя

Агнешка, а из-за ее ног выскочил ликующий Бодек. Он прыгнул к Филиппу и тут же оперся передними лапами на его плечи, чуть было не опрокинув. Облизал мальчику все лицо и, оглушительно лая, вернулся в обычное положение, то есть встал на четыре лапы, и сразу стал обтанцовывать гостя со всех возможных сторон. Еще немного — и с невозможных попробовал бы тоже.

— Филипп, спасибо, что притащил старой тетке эти тряпки! — крикнула тетя и спустилась на три ступеньки вниз, на дорожку.

За это он тоже ее любил — она не сокращала его имени. Однажды он сказал, что не выносит уменьшительно-ласкательных форм, и она это запомнила. Так просто. В отличие от большинства людей, которых он знал. Эти другие называли его Филиппкой, Филюсем, Фифкой... — в зависимости от того, что им взбрело в голову. А его звали Филипп. Неужели это так трудно запомнить?

Тетя Агнешка чмокнула Филиппа в щеку, взяла у него пузатый пакет, и они зашли в дом. Вместе с Бодekom и велосипедом, который Филипп всегда оставлял в прихожей.

В доме привычно пахло творожником.

И было здесь как-то... Просто хорошо.

На первом этаже была только одна комната. Здесь тетя принимала гостей. Рядом располагались кухня

и огромная ванная. Такая большая, что в ней поместилась бы вся ванная Филиппа и еще парочка других.

Остальные три комнаты находились на втором этаже: спальня тети, комната Магды, ее дочери, переделанная в спальню для гостей, и комната, которую называли «комнатой с видом на зелень», то есть на сад. В ней тетя Агнешка писала свои сценарии и книги. Если не сидела с ноутбуком внизу в гостиной или — в теплые дни — в саду.

— Ну что? Кусочек пирога? — спросила тетя.

— Конечно. Спасибо, — сказал Филипп и уселся в огромное кресло.

В его комнате такое кресло наверняка бы не уместилось. Оно бы даже не прошло в двери его комнаты. И в двери в квартиру. И в лифт. Оно было действительно великолепное. Выдающееся. У него была такая высокая спинка, что сзади невозможно было увидеть, сидит ли в нем кто-нибудь. Подлокотники были толстые и выпуклые, а сиденье такое большое, что не только Бодек, но и Филипп мог бы без проблем свернуться на нем клубочком и заснуть. Все в кресле было плюшевое, приятное на ощупь и очень удобное. Оно будто подстраивалось под того, кто в него садился.

«Интересно, — подумал Филипп, — сколько людей в нем сидело? Сто? А может, триста? Или восемьсот? Не-е-ет, столько, наверное, нет».

Креслу было, наверное, восемьдесят лет. Или больше. Впрочем, в этой гостиной всем вещам и мебели было по восемьдесят лет. Или больше.

— Когда выйдет этот фильм? — спросил Филипп, когда тетя вернулась с пирогом и графином сока.

— Какой фильм?

— Ну этот твой. Сериал.

— А, этот. В сентябре. Начнется в сентябре.

— Может, даже в мой день рождения?

— Может. У тебя день рождения пятого, да?

— Ну да.

— Одиннадцать, если ничего не путаю?

— Да.

«Сейчас наверняка скажет: “О, да ты уже совсем большой!”» — подумал Филипп. Но ведь надо знать тетю Агнешку. Ничего такого она бы никогда не сказала. И не сказала.

— А кто будет играть? Кто-то известный?

— Знаешь, я без понятия. Долетали какие-то слухи, но я не спрашивала. Как начнут показывать, так и увидим, — и добавила: — Магда передавала вам большой привет. Твоим родителям и тебе.

Филипп немного завидовал Магде. Полгода назад она уехала в Англию. Ну и что, что работать? Ведь поехать в Англию — это как поехать на каникулы. Вдобавок — и этому он завидовал больше всего — Магде больше не нужно было ходить в школу, никогда, пото-

му что ей было уже, кажется, двадцать три. И вообще ей наверняка было очень весело. На всех фотографиях, которые она присылала по электронке, она улыбалась или даже смеялась.

— А сейчас ты опять пишешь какой-то сценарий? — спросил Филипп. Он надеялся, что ему удастся уговорить тетю на фильм о подводных сокровищах или инопланетянах.

— Сейчас? У меня появилось немного свободного времени, поэтому я начала писать книгу.

— Книгу?

Тетя была свободна и начала писать книгу? Вместо того, чтобы поехать в отпуск на необитаемый остров или целыми днями нежиться в гамаке?

— Но... как это?

— То я писала на заказ, а это для самой себя. Это, конечно, тоже работа, но совершенно другая. Я могу писать, о чем хочу и когда хочу. И никакие сроки не поджимают. Это мой способ отдыхать.

— А о чем будет эта книга? — заинтересовался Филипп. — О сокровищах? О духах? А может, о вторжении инопланетян? — Он с энтузиазмом углубился в тему, не давая тете вставить ни слова. — Ты знаешь, я видел такой фильм недавно, отличный, о таком доме. Он засасывал людей. Никто не догадывался, что шкаф, и стены, и кровати, и вообще всё их там по очереди засасывает, а потом выплевывает в поле, в нескольких

километрах от этого дома. И они совсем не помнили, что с ними происходило.

Тетя шевельнулась на диване и откинулась на спинку.

— О! — произнесла она, наморщив лоб. — Жуть, одним словом.

— Ну-у-у. Супер. Книга тоже может выйти классная. Если подробно это все описать. То есть уже не это, потому что это уже есть, а что-то другое похожее. Но другое.

— Ага.

— Или напиши о пришельцах, напавших на Землю. И чтобы они были как большое трясущееся желе.

— А что ты любишь читать? Научную фантастику?

— Я? — Филипп немного смутился. — Я?

— Ну да. Предпочитаешь ужастики о засасывании людей домом?

На несколько секунд повисла пауза.

— Я? — повторил Филипп. — Я мало читаю. Вообще.

— А из школьной программы? — Тетя не сдавалась, что было на нее не похоже.

— Тетя, сейчас каникулы.

— Ну, я знаю, что сейчас каникулы, но до каникул ты, наверное, ходил в школу, помнишь? Или как в тумане?

— Как в тумане, тетя.

— И книги из школьной программы тоже в тумане?

— Тоже, тетя.

— Все? А может, все же какую-нибудь помнишь?

— Ой, тетя.

— «Ой, тетя»? Так-так... «Ой, тетя»... Не могу вспомнить, кто это написал. «Ой, тетя»... «Ой, тетя»... — Тетя Агнешка выглядела так, будто на самом деле старалась вспомнить автора книги под названием «Ой, тетя».

Но Филипп прекрасно понимал, что происходит.

— Ой, тетя... Это значит, я хотел сказать, что что-то я прочитал. «В пустыне и джунглях», например.

— В режиссуре Слесницкого, начала семидесятых, или эту последнюю версию две тысячи первого?

— Последнюю, — быстро ответил Филипп и почти сразу понял, как легко попался на уловку.

— Итак, вампиры, дүхи и желе, говоришь? Это могло бы тебя заинтересовать? Ну да. «В пустыне и в желе» — это было бы нечто. Может, подбросишь мне какую-нибудь оригинальную идею?

— То есть какую?

— То есть такую, которая до тебя еще никому не приходила в голову.

— А желе?

— Желе мне кажется странно знакомым.

— Да? Не-е-ет... Да?

— Не говоря уже о дүхах.

— А-а-а, ну да. Да, да.

— Итак, что ты можешь предложить, кроме желе?

— То есть?

— Я прошу интересную идею. Или какой-нибудь сюжет, предложение, слово, персонажа, случай, заметку, что угодно. Только твое собственное. Мне бы очень пригодилось что-нибудь такое. Правда. Писать — это еще и собирать. То, что можно увидеть и услышать. И свой собственный опыт, и чужой. Не только одно воображение. Одно воображение — этого слишком мало. Его нужно подпитывать, скажем так.

Филипп посмотрел на тетю, как на какое-то странное существо, и вздохнул.

Тетя тоже вздохнула и спросила:

— А что там дома?

Филипп пожал плечами.

— Ну, надеюсь, не желе? — забеспокоилась тетя.

— К сожалению, нет. Все нормально.

— Нормально?

— Нормально.

— А то у Агаты, то есть у твоей мамы, сегодня по телефону был какой-то такой вялый голос.

Филипп потыкал вилкой крошки на тарелке, где уже давно не было пирога.

— Не знаю, — пробормотал он. — Ну что-то... Как обычно. Не знаю.

Тетя снова вздохнула. Бодек покряхтел, и стало как-то странно.

Филипп знал, что ему пора возвращаться, потому

что иначе он опоздает к ужину, к восьми. Но как-то вообще не хотелось вылезать из этого самого глубокого в мире кресла, в котором его не было видно. Если смотреть сзади.

Тикали настенные часы, которым было восемьдесят лет или больше, и от этого тиканья время замедлялось, и замедлялось, и замедлялось...

И тогда Филипп очень тихо произнес:

— А если бы кто-то написал книгу о мальчике, у которого в комнате живут... стеночники? Желто-голубые.

— Стеночники?

— Ага.

— Желто-голубые стеночники... — Тетя задумалась.

Или удивилась. В любом случае у нее было неопределенное выражение лица.

Но Филипп этого не видел, потому что все время смотрел на пустую тарелку из-под пирога, которую все еще держал на коленях.

— Ну да, — сказал он. — Они немного похожи на мохнатые мячики для пинг-понга. И эти стеночники могут за десять секунд стать размером с комнату.

Тетя снова шевельнулась на диване.

— Ага! И?..

Филипп оторвал голову от тарелки.

— И?.. — повторил он.

— Почему они так вырастают? Эти... эти...

— Стеночники.

— Эти стеночники. Зачем они это делают?

Этого Филипп не знал.

— Я не знаю, — признался он почти шепотом.

— Ничего страшного, — сказала тетя. — Может, потом узнаешь. Расскажи мне что-нибудь еще.

— О стеночниках?

— Например.

«Или о волках», — подумал Филипп.

— Или о чем угодно, что показалось тебе интересным. О чем хочешь. Хоть о белой кошке, которая перебежала дорогу. Я уже говорила, что я сейчас собираю как раз такие крошки. Каждая может пригодиться.

— У меня есть немного, от пирога, — заметил Филипп, и они рассмеялись. — Но я же не должен приносить тебе кошку? — спросил он.

— Знаешь, иногда что-то кажется малозначительным, как эта белая кошка. А потом оказывается самым важным событием в жизни. Но это становится понятно только через какое-то время. Об этом тоже можно написать.

Филипп не любил читать книги, ему не хватало терпения. Откровенные признания он тоже не любил, не было у него — в этом он был уверен — и интересных идей. Он на самом деле предпочел бы ловить кошек и приносить их тете. А то, что происходило в его жизни, было монотонно и уныло. И все время одно и то же, одно и то же, одно и то же. Наверняка

не такой опыт тетя имела в виду. Ни одна крошка его жизни не годилась для книги.

Он подумал об Этуте и Сове. Но не сказал о них ни слова, как и о волках. Не сказал, потому что ну нет. Ну кому могло быть до этого дело, до чего-то настолько неважного. Тете это вряд ли пригодится для ее серьезной взрослой книги.

Филиппу пора было домой. Тетя Агнешка и Бодек вышли его проводить. Тетя отворила калитку. Бодек, как обычно, радовался всем своим существом, от кончика носа до кончика хвоста.

— Скажи спасибо маме и передавай привет папе, — крикнула тетя, когда Филипп тронулся по Голубой улице.

Проехав с десяток метров, он немного притормозил и огляделся. Посмотрел налево и направо.

— Привет, волки! — сказал он вполголоса, чтобы только они могли его услышать.

И посмотрел в прищуренные волчьи глаза, вглядывающиеся в него из глубины садов, из-за домов и деревьев. В них не было ни капли угрозы. Прекрасные, внимательные, завораживающие глаза.

Они ему очень нравились.